

2. Политико-правовые ценности занимают в сознании молодых немцев достаточно высокое место, что свидетельствует об их гражданской зрелости и ответственности.
 3. Гедонистические наклонности образа жизни немецких студентов (весёлая жизнь, секс) также достаточно чётко выражены. Кроме того, в тройку факторов-призеров вошло душевное спокойствие. Это говорит о том, как трепетно относится молодой немец к своему психологическому комфорту.
 4. Достаточно высокий уровень жизни в Германии привёл к тому, что ценности материалистические (деньги, жильё, одежда) не входят в число самых приоритетных, они явно уступают факторам нравственным.
 5. Анализ динамики ценностного сознания студентов-немцев за 10 лет показывает, что существенные трансформации в нём за этот временной период не произошли.
1. Deutschland, август/сентябрь 2001
 2. Deutschland, № 6/99, December/Januar
 3. K. Hurrelmann. Werte der Zukunft / Fokus 12/2000

Эйдуkene Д. Д. (ВТУ им. Гедиминаса, г. Вильнюс)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ

В статье обсуждается значимая, но всё же малоизвестная читателю теоретическая разработка проблем социалистического рабочего движения в трудах немецкого публициста, адвоката и политического деятеля **Фердинанда Лассалья** (1825-1864). Он является представителем государственного социализма, сторонником общественно-моральных идей государственного устройства, основанного на классовых компромиссах, опирающегося на определённый идеал справедливости и на особую концепцию общества и государства.

Идея компромисса была не нова. Она всплывала неоднократно в течение XIX столетия как проявление реакции на смитианский либерализм, который не полностью оправдал радужные надежды общества на социальные последствия экономической свободы, не решив большинства как экономических, так и социальных проблем. Рост классовой борьбы и возникновение идей социализма на деле доказывали, что экономическая свобода, как и свобода частного-хозяйственного предпринимательства, не только не равнозначны фактической свободе личности, а могут иметь обратный смысл.

Государственные социалисты говорили о социальной демократии, которая берёт своё начало в институте государства и специфическим проявлением которой является возможность социальной реформы. Именно социальная реформа должна, по их мнению, стать ключевым элементом для нормального функционирования, самосохранения и дальнейшего продвижения вперед общества, сумевшего познать закон общественного развития. Лассаль становится продолжателем данной идеи, в теоретическом плане принимая эстафету у предшественников этой концепции. Он пытается дать государственному социализму «новую жизнь», связывая его с идеей рабочего движения. В теоретических разработках Лассалья государственный социализм проявляется не только как реакция на либерализм, но и как реакция на теорию научного социализма, который «с порога» отбрасывал возможность и компромисса, и социальной реформы. Хотя Лассаль как теоретик своим масштабом и уступает Марксу, но в его состоявшемся и «несостоявшемся» диалоге с марксизмом нам видны и ошибки Маркса.

Лассаль, определённое время, объявляя себя сторонником К. Маркса и Ф. Энгельса, не воспринимал идей научного коммунизма. О своем идейном перевоплощении он следующим образом сообщает Марксу: «Я революционер с 1840 г., а с 1843 вполне определённый социалист» [1; 244]. Этому заявлению Лассалья предшествовали попытки возразить стремлению основоположников марксизма в некоторых случаях выдавать желаемое за действительное. Например, зная, что Маркс и Энгельс продолжают считать Германию инкубатором будущей революции, он высказывает свое несогласие: «Напрашивается вопрос, будет ли... социализм в Германии обладать в скором времени такой силой, чтобы победоносно поднять чисто красное

знамя... и ...сорвать со стены меч?» На этот вопрос приходится «ответить печально и отрицательно» [1; 8]. Такие письма Лассалья ещё не были полемическими. Лассаль лишь выполнял просьбу Маркса информировать его о том, что делается в среде германских рабочих. Понадобилось десять лет, чтобы Лассаль попытался вступить в полемику с Марксом. Этому имеются несколько причин, но мы ограничимся двумя. Во-первых, он подготавливался к идейному «прыжку», впитывая в себя идеи Гегеля, Фихте, представителей государственного социализма Л. фон Штейна, К. Родбертуса и исторической школы в политической экономии, пользуясь жизненной лабораторией революций Франции. Отзвуки всех этих идей по-разному звучат в социально-демократической доктрине Лассалья. Во-вторых, Маркс и Энгельс бескомпромиссно боролись с любыми проявлениями реформизма. Невозможно было не робеть перед сокрушающей критикой Маркса, который так охарактеризовал социал-реформистов: «Это люди, в теоретическом отношении нули, а в практическом – никуда негодны», желающие социализм «сделать беззубым». «Это убогие контрреволюционеры», «половинчатые люди», «вся эта...сволочь», сумевшая заразиться реформистским «идиотизмом» [2; 325-328]. Такая реакция теоретиков марксизма на инакомыслие не могла не повлиять на Лассалья. Он почти два года пытается деликатно продемонстрировать другой угол зрения и надежду быть понятым: посылает отрывки из своих сочинений и чужих произведений, пытаясь преподнести свою позицию и обсуждая идеи других.

В 1858 г. Лассаль пишет сочинение о Гераклите [24]. Его привлекала близость мировоззрения этого философа. Лассаль находит некоторые параллели между диалектикой Гераклита и Гегеля. Он не случайно превращает загадочного греческого философа в современного гегельянца. Экземпляр книги Лассаль посылает Марксу. Но тот не видит в ней ничего позитивного, считая, что в ней можно лишь «снова узреть... посмертный цветок минувшей эпохи» [3; 193]. Он находит, что «Гераклит Темный» Лассалья Ясного, в сущности, весьма пошлое, жалкое произведение» [4; 222]. Так Маркс пишет Энгельсу и лицемерно добавляет: «Ты должен дать мне отпущение грехов за похвалы, которые я вынужден был сделать «Гераклиту Темному» [5; 270].

Не достучался Лассаль к Марксу и с другими письмами, в которых пытается полемизировать по поводу идей Карла Родбертуса, основоположника государственного социализма в Германии. Маркс отвечает лишь несколькими фразами: «Тенденция работы Родбертуса вполне заслуживает признания. В остальном же то, что там хорошо, – не ново, а то, что ново, – не хорошо» [6; 497]. Ещё более резко он говорит Лассалю о представителе исторической школы в политической экономии Вильгельме Рошере: «Какая это самодовольная, чванливая, в достаточной степени ловкая эклектическая бестия. По сравнению с такой канальей даже последний бродяга – почтенный человек» [7; 517]. Тональность письма выдает раздражение его автора и провал намерений адресата. Из приведённых выше примеров видно, что Лассалю не удалось в среде исторических фресок, которыми иллюстрировали свои социальные визии Маркс и Энгельс, «втиснуть» свой рисунок, сюжет которого выполнен не в стиле классовой борьбы и не на фоне исторически обреченного капиталистического общества.

Переписка с Марксом окончательно прервалась после следующего заявления Лассалья: «Весьма естественно, что, чем более отдельные личности обладают значением и умением ориентироваться в существующем, остротой взгляда, благоразумием и образованием, тем легче они впадают в ошибки...» [8; 133]. Хотя Лассаль говорит о якобинцах, Маркс наверняка понял: кого он имеет в виду.

Революцию делать глупо и недальновидно. Историческое развитие Лассаль трактует в духе гегельянства. По его мнению, это не что иное, как непрерывный процесс развития разума и свободы. Теоретики марксизма, наоборот, считали, что оно не зависит от воли людей по той простой причине, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [9; 7], а «конечные причины всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, ... а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи» [10; 278]. Таким образом, формы или условия производства являются основными детерминантами социальных структур, которые в свою очередь определяют развитие установок, поступков и, наконец, самих цивилизаций. В соответствии с этим, социальная справедливость или несправедливость интерпретируется Марксом и Энгельсом как одна из форм идеологической и практической связи между людьми и определяется совокупностью производственных отношений.

Из этого следует, что основоположники марксизма смотрели на людей, как на простых оловянных солдатиков, которые, подталкиваемые экономическими пружинами, участвовали в баталиях истории, не имея никакой власти над историческими силами. Сцена исторических баталий у них встроена в социальную систему и находится в «царстве необходимости»: в своё время оловянные солдатики уничтожают эту систему и вступают в «царство свободы и справедливости».

Лассаль не согласен с такой трактовкой данного вопроса. По его мнению, всё зависит от людей, от их нравственности, правильного понимания свободы и умения возвести это в соответствующий принцип государства. Именно таким путём и шло человеческое общество, всё более приближаясь к свободе и к непосредственному воплощению нравственной идеи государства. Эта идея оставалась неосознанной, но всё равно осуществлялась «благодаря разумному, естественно-необходимому ходу вещей, хотя и помимо воли государства и даже вопреки воле его руководителей» [11; 26]. По замечанию Лассалья, с 1848 года наступил исторический период, в котором нравственная идея рабочего сословия сознательно должна объявляться господствующей идеей общества. Это событие означает, что должна быть узаконена революция, происшедшая в недрах государства. На деле это означает правовое уравнивание положения рабочего сословия с его фактическим значением. Это сделать нужно потому, что оно фактически является всем, а юридически – ничем!

Не так-то просто провозгласить идею рабочего сословия господствующим принципом общества. Для этого необходимо определённое состояние общества и государства, которое может быть создано только кропотливой работой всего общества, сознательно воплощая в жизнь необходимый принцип государства. Это событие Лассаль приравнивает к революции, которая должна быть понята как призыв к примирению и уравниванию всех сословий. «Это призыв к любви» [11; 33] и к разуму, проводниками которых должны служить государство и общее, равное и прямое избирательное право.

Лассаль считает, что революцию «сделать нет возможности; можно только упорядочить течение революционного движения, естественно возникшего в общественных отношениях, можно только санкционировать её проявления и результаты». «Речь всегда может идти только о внешнем, юридическом признании и последовательном проведении революции, уже совершившейся в действительных отношениях общества» [12; 16]. Потому «стремиться сделать революцию могут только люди незрелые, необразованные, незнакомые с основными историческими законами!» По мнению Лассалья, искусственно сотворённая революция не соответствует объективным законам развития и действует против них. Такую возможность он допускает, обращая внимания на её трагические последствия: «Революцию, в конце концов, можно делать только при помощи масс и их страстного самопожертвования. Но массы... «серы» и необразованны... и..., как всякий неразвитый ум, признают только крайности, знают лишь «да» или «нет» и никакой середины между ними». В этом Лассаль не видит ничего позитивного, кроме глубокого раскола общества, вследствие которого «учётчики революции» оказываются в полной изоляции от общества. Это происходит потому, что «вместо того, чтобы не иметь перед собой обманчивых врагов и иметь позади себя друзей, в конце концов, наоборот, имеют врагов перед собой и не имеют позади себя приверженцев их принципов. Таким образом, кажущийся высший разум на деле оказывается высшим недоразумением» [13; 132]. По мнению Лассалья, такую же незрелость и наивность проявляют и те, кто полагают возможным остановить уже начавшиеся, уже совершившиеся в недрах общества революции.

Социальная миссия государства или государственная помощь вместо самопомощи. Философию государства Лассалья можно назвать противоположностью теории научного социализма и альтернативой либеральной политике властей. Государство для Лассалья это институт, обладающий потенцией созидания социального строя по свободной воле, на основании солидарности интересов и взаимности развития всех членов общества. Служение высшим моральным требованиям человека в государстве заложено «генетически», потому понятие «государство» – нравственное.

Для Маркса и Энгельса «государство есть зло» [14; 200]. По своей сути это «идеальный совокупный капиталист, ...управляющий общими делами всего класса буржуазии» [10; 290], не обладающий никакими потенциальными возможностями для созидания и самосовершенствования, а тем более для решения социальных проблем. Государству это и не нужно, потому что

оно «есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников». По мнению Энгельса, говорить о свободном народном государстве – есть чистая бессмыслица: пока пролетариат ещё нуждается в государстве, он нуждается в нём не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать» [15; 5]. Таким образом, искать идеи социальной миссии государства в марксизме не приходится.

Либералы вообще считают неуместным говорить об этом. Лассаль, объявление либералами себя носителями нравственной идеи и декларирование ими свободы как нравственной цели своего государства, расценивает как обман общества, по той простой причине, что речь они ведут исключительно и единственно о сохранении личной свободы и собственности индивидуума. А этого нельзя отождествлять с нравственным государством. Такое государство Лассаль называет «государством-сторожем», назначение которого предупреждать разбой и воровство, и, «если бы либералы хотели быть последовательными до конца, то они, согласно с этой идеей, должны были бы признать, что если бы не было воров и разбойников, то государство было бы лишним» [16; 30-31]. Таким образом, «механизм» беспрепятственного пользования собственными силами работает впустую. По Лассалю, он заработал бы лишь в том случае, «если бы все были одинаково сильны, развиты, образованы и богаты. Но как этого нет и быть не может, то мысль эта недостаточна и по своим последствиям беспрерывно ведёт к глубокой безнравственности» [11; 24]. Потому либеральную доктрину государства Лассаль считает в высшей степени жалкой, ненаучной и несоответствующей истинной природе этого института. Беспрепятственное и свободное пользование личностью своими силами ещё само по себе недостаточно. «В нравственно устроенном обществе необходимо должны присоединиться к этому солидарность интересов, общность и взаимность в развитии» [11; 30]. Но возможно ли это в современном государстве?

Для Маркса – это сфера «невозможного»: «ни одно из так называемых прав человека, в том числе свобода и собственность, не выходит за пределы эгоистического человека..., т. е. индивида, замкнувшегося в себе, в свой частный произвол и обособившегося от общественного целого» [17; 401-402]. Для Лассалья – это сфера «возможного», потому, что «буржуазия и рабочее – ...члены одного народа!» [18; 56]. В этом случае эти две противоположности способны совместно созидать, т. е. создавать качественно новый социальный строй по свободной воле, на основании солидарности интересов и взаимности развития. Другими словами, объединяя свои действия в одном направлении – в достижении большей свободы и нравственности государство должно стать «совокупной нравственной личностью». Это возможно только при помощи объединения всех со всеми. Именно здесь необходим и возможен компромисс, достичь которого, по мнению Лассалья, можно двумя путями. С одной стороны, опираясь на человеческую нравственность, с другой – через демократическое устройство политической жизни.

Именно в этом контексте государство для Лассалья «есть воспитатель и «развиватель» человечества к свободе» [12; 32]. В этой фразе теоретика помещается вся его философия государства: осознание обществом качественно новой трактовки идеи свободы и необходимости приблизиться к ней; поиск точек соприкосновения между нравственными ощущениями буржуазии и рабочего класса во имя свободы. Этот тезис можно перефразировать следующим образом: через воспитание – к развитию, через развитие – к воспитанию.

Проблема нравственности классов. Вопреки марксизму, Лассаль не считает, что для достижения такого взаимодействия необходимы исключительно некапиталистические силы и помощь нерациональной лояльности. Капиталистическое общество для своей выгоды может преподнести множество утилитаристских аргументов, хотя это не уничтожает деятельности дорациональных и нерациональных сил. Для основоположников марксизма достаточно было «быть радикальным» для того, чтобы «ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, поработённым, беспомощным, презренным существом...» [19; 422]. Маркс и Энгельс придерживались мнения, что нравственность не является действенным рычагом в буржуазном обществе. Лассаль, напротив, считает, что, для осуществления данной задачи, важнее быть нравственным.

Лассаль полагает «предрассудком воспринимать за непогрешимую истину, что «высшие классы общества безнравственны и испорчены, а простой народ нравственен и добр» [12; 35]. По его мнению, такое воззрение, вошедшее в 19 параграф Декларации прав человека, могло считаться непреклонной истиной во времена торжества санкюлотов, а ныне оно может «закрыть путь к пониманию всего хода прогресса современной государственной жизни и даже препятствовать самому этому прогрессу» [12; 36]. Вряд ли, без всякого сомнения, можно утверждать, что высшее сословие общества эгоистично и своекорыстно. Лассаль считает, что эти качества присущи и низшим классам. Их там не меньше!

Общее, равное и прямое избирательное право как политический и социальный принцип рабочего сословия. Таким образом, в пёстрых проявлениях нравственности и безнравственности, возникает проблема сложности компромисса. Безнравственность буржуазии, по мнению Лассалья, могла бы раствориться в социальном государстве, и рабочие должны понять, что «только от политической свободы можно ожидать удовлетворения своих законных интересов». Действенная политическая свобода, по Лассалю, напрямую зависит от «политического положения и политического законодательства страны» [20; 8].

Лассаль указывает ещё на одно проявление безнравственности буржуазии: имущественный ценз выборов. Его основа – введённое в 1848 г. всеобщее избирательное право, когда семнадцать неимущих, в отношении избирательного права, приравнивались одному богатому, т. е. из каждых 17 рабочих 16 человек лишались своего законного избирательного права [16; 22]. Таким образом, рабочий класс в Германии становился юридически бесправным. Кроме того, немецкий рабочий класс не имел своей политической партии, которая законным путем могла бы влиять на общий курс государства.

Исходя из этого, Лассаль заявляет, что установление общего, равного и прямого избирательного права соответствует демократическим принципам и законным интересам рабочего сословия. Оно должно организоваться в самостоятельную партию и принять лозунгом этой партии общее, равное и прямое избирательное право. Представительство рабочего сословия в германских законодательных собраниях – вот то единственное, чем может он удовлетворить свои законные интересы в политическом отношении. Согласно этому, политической программой рабочей партии должна быть мирная и законная агитация за свои права при помощи всех законных средств.

Более того, Лассаль описывает и парламентскую тактику германской рабочей партии: «Поддерживать буржуазные партии.... в вопросах и пунктах общего интереса, но решительно отворачиваться от неё и идти против неё, как скоро она удаляется от интересов рабочего сословия, таким образом, заставляя её или идти вперед и превзойти свой нынешний уровень, или все глубже погружаться в болото ничтожества и бессилия [20; 12]. Но, не смотря ни на что, Лассаль убеждён, что при всеобщем и прямом избирательном праве невозможно, чтобы избранные представители не сделались, наконец, верным и точным отражением избравшего его народа.

С всеобщим избирательным правом Лассаль связывал возможность объединения рабочих в производственные ассоциации, т. е. кооперативы. Он утверждал, что нужно сделать рабочее сословие своим собственным предпринимателем. Но для этого необходима помощь государства, и склонить его к этому возможно только при всеобщем и прямом избирательном праве. При этом Лассаль заявляет, что это ещё отнюдь не «решение социального вопроса», которое «потребует работы поколений, это горчичное семя, которое органически, необходимо будет толкать ко всякому дальнейшему развитию, осуществляя его внутри самого себя» [21; 48]. Лассаль ещё раз подтверждает непригодность революции в решении социально-политических проблем. Таким образом, перефразируя слова героя Б. Пастернака из «Доктора Живаго», что революцию делают не революционеры, а адвокаты, так и хочется сказать, что Лассаль был адвокатом, не пожелавшим делать революцию.

«Однако история показала, что неправы были и мы...». Маркс называл социально-политическую программу Лассалья плагиатом ученика подготовительного класса, а его самого клеймил «доктринером» и «сектантом». Даже примиряющая сила смерти ненадолго смягчила отношение Маркса к Лассалю. Получив известие о его гибели, он пишет Энгельсу: «Он был для нас в настоящем очень ненадёжным другом, а в будущем – довольно несомненным врагом... Я

очень рад, что не поддавался подстрекательствам с различных сторон и ни разу не выступил против него во время его «года торжества» [22; 349]. Возникает вопрос: почему? Сомневался в достаточности аргументов или, хотя бы частично был с ним согласен?

Наверно, самым большим признанием правоты идей Лассалья является заявление Энгельса, который после смерти Маркса пытался переосмыслить теорию марксизма: «ирония всемирной истории ставит всё вверх ногами. Мы, «революционеры», «ниспровергатели, мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота» [23; 546]. Энгельс радуется, что германские рабочие сразу отнеслись к делу серьезно, и «избирательное право... было ими... превращено из орудия обмана... в орудие освобождения» [23; 535], что это принесло огромную пользу им самим и стало служить примером для рабочих всех стран.

1. Письма Фердинанда Лассалья к К. Марксу и Ф. Энгельсу. – СПб., 1922.
2. К. Маркс. Фридриху Адольфу Зорге. 19 сентября 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М., 1960, т. 34.
3. К. Маркс Ф. Энгельсу. 22 декабря 1857 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – М., 1954. Т. 29.
4. К. Маркс Ф. Энгельсу. 1 февраля 1858 г. // Там же.
5. К. Маркс Ф. Энгельсу. 22 декабря 1857 г. // Там же.
6. К. Маркс Ф. Лассалю. 8 мая 1861 г. // Там же.
7. К. Маркс Ф. Лассалю. 16 июня 1862 г. // Там же.
8. Письма Фердинанда Лассалья к К. Марксу и Ф. Энгельсу. – СПб., 1922.
9. К. Маркс. К критике политической экономии... Т. 13.
10. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг... Т. 20.
11. Ф. Лассаль. Наука и рабочие. - Одесса, 1905.
12. Ф. Лассаль. Значение четвертого сословия (Рабочая программа). - Одесса, 1905.
13. Письма Фердинанда Лассалья к К. Марксу и Ф. Энгельсу. - СПб., 1922.
14. Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции»...Т. 17.
15. Ф. Энгельс. Социализм в Германии... Т. 19.
16. Ф. Лассаль. О программе работников. Книгоиздательство «Буревестник». - Одесса, 1905.
17. К. Маркс. «К еврейскому вопросу» ... Т. 1.
18. Ф. Лассаль. Гласный ответ Центральному комитету, учрежденному для созыва общего германского конгресса в Лейпциге. – М.: Книгоиздательство «Колокол», 1905.
19. К. Маркс. К критике гегелевской философии права. Введение... Т. 1.
20. Ф. Лассаль. Гласный ответ Центральному комитету, учрежденному для созыва общего германского конгресса в Лейпциге. - М.: Книгоиздательство: «Колокол», 1905.
21. Цит. по: Меринг Ф. История Германской социал-демократии. Т. 1. – М.–П. 1923.
22. К. Маркс Ф. Энгельсу. 12 сентября 1864 г. ...Т. 30.
23. Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»... Т. 22.
24. Die Philosophie Herakleitos des Dunkeln v. Ephesos. В., 1858.

Азаров В. С. (БрГУ им. А. С. Пушкина, г. Брест)

ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ РЕКОМЕНДАЦИЙ БОЛОНСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ В ВУЗАХ ГЕРМАНИИ

25 мая 2006 г. исполнилось 8 лет со дня подписания министрами образования Франции, Германии, Великобритании и Италии в Париже декларации, положившей начало Болонскому процессу. Многие европейские страны накопили за прошедшее время серьезный опыт в проведении современной образовательной реформы. В Германии началу её послужило совместное заявление федерального правительства и правительств 16 земель 16.12.1999 г. «Об усилении возможностей немецких вузов в международном соревновании по обучению студентов».